

Ленинградцы перемешанную

... В ту зиму по фронтам
меня носило,
По улицам, где не видать
не зги.
Но мне фонарь дала
"Электросила",
а на "Победе" сиши-
саном.

Ольга Берггольц

Баррикады из памятников

Уже в сентябре 41-го враг прочно обосновался на подступах к Ленинграду. Московский район оказался сразу на двух линиях фронта: одна проходила от Пулковских высот до Средней Рогатки, вторая - по Обводному каналу. По Международному проспекту (ныне - Московскому) постоянно шли танки.

«Я видела, как немцы бомбили Ленинград, - вспоминала блокадница Зинаида Абросимова, работавшая в ту пору в столовой рядом с пожарной школой. - С Пулковских высот им хорошо были видны здания, расположенные на Международном проспекте. Вокруг были колхозные поля и деревянные домики, каменных, тем более высоких зданий почти не было. Мы были как на ладони».

«Фрунзенский универмаг и симметрично расположенный жилой дом буквально были превращены в крепость», - писал в своей книге «Московский проспект» Роман Яковченко. - Мосты, в том числе Ново-Московский, пришлось подготовить к взрыву. Безлюдную часть Московского шоссе перегородили несколькими баррикадами, сложенными из бетонных деталей строившихся домов».

Для противотанковых сооружений использовали все, что было под рукой. В ход пошли даже чугунные детали Московского Триумфальных ворот

Фрунзенский универмаг (справа) превратился в крепость.

С южной стороны немцам удалось подобраться к городу особенно близко. На Московский район летели тысячи артиллерийских снарядов. А ведь там находились промышленные предприятия, работавшие как для города, так и для фронта.

Чтобы уменьшить урон от обстрелов, командующий артиллерией Ленинградского фронта генерал-майор Георгий Одинцов приказал расположить на пустырях по обеим сторонам Московского шоссе (южнее Благодатного переулка)

На «Электросиле» Берггольц исключили из партии, но в блокаду она простила родной завод.

Фонарики для фронта

К началу Великой Отечественной на заводе «Электросила» работало около десяти тысяч человек. В первые ее дни предприятие лишилось почти трети рабочих: две тысячи человек ушли на фронт, более тысячи - в народное ополчение.

Большую часть работников и оборудования перевели на север города, на завод «Светлана». На «своей» территории осталось около 1300 человек. Прекратилось водоснабжение, замерла котельная, перестало поступать электричество.

Сам памятник архитектуры был разрушен еще в 1936 году в связи с реконструкцией Московского проспекта. За пять лет руки до его восстановления ни у кого не дошли. Кто мог знать, что в 41-м это сослужит городу хорошую службу.

Сладкая земля

В первый же день блокады Ленинграда над ним разорвалось больше шести тысяч зажигательных бомб. Пожар на Бадаевских продовольственных складах стал для жителей города особенно чувствительным. Потушить его удалось только к четырем часам утра (загорелись они около семи часов вечера. - Прим. авт.).

После войны долгое время существовала легенда, что именно здесь хранились огромные запасы продовольствия. И, сгорев, они обрели ленинградцев на страшный голод. На самом деле в огне погибло примерно три тысячи тонн муки и две с половиной тысячи тонн сахара. Кроме того, сгорели соль, соленые помидоры, маринованная слива, яблочная кожура, мыло, печенье, конфеты и желуди. По действовавшему на тот момент нормам этих запасов жителям города хватило бы максимум на три дня.

Примерно треть горелой муки и сахара пищевым предприятиям удалось переработать. А на Киевскую улицу еще долго приходили ленинградцы, чтобы добыть хотя бы кусочек земли, пропитанной сахаром (очевидцы рассказывали, что при пожаре двор Бадаевских складов буквально затопила река этого расплавленного продукта). Люди мешками несли на себе землю, перемешанную со сладким сахаром. Расфасованную в газетные кульки, названную «бадаевским продуктом», ее продавали или меняли на золото.

- Мы называли ее «сладкая земля», - вспоминает блокадница Валентина Алексева. - Шли за ней, тогда еще совсем дети, пешком через весь город. Приносили кусочек домой, бросали его в воду, земля оседала, и этот подслащенный серого цвета напиток был главным лакомством.

КСТАТИ

Для нужд фронта сумели перестроить свои конвейеры все предприятия района:

- ✓ молочный комбинат перерабатывал хлопковые жмыхи
- ✓ комбинат пищевых концентратов наладил выпуск хвойного концентрата и галет из отходов переработки сои
- ✓ «Скороход» поставлял на фронт обувь, снаряды, пулеметные ленты, военное снаряжение
- ✓ вагоностроительный завод имени Егорова выпускал артиллерийские передки к пушкам, мины, головки к ракетным снарядам и корпуса для фугасных бомб.

артиллерийские установки, которые своим огнем отвлекали внимание от жилых домов. На них и переключились немецкие орудия - к лету 42-го жилые кварталы стали обстреливать вдвое реже.

Дети подземелья

В августе 41-го в Московском районе работало 29 школ. К 3 ноября их осталось всего четыре на восемьсот учеников. Многие школьники были эвакуированы из города. Из тех учебных заведений, которые продолжали учить детей, была и школа № 356.

Бомбоубежища в ней оборудовали под классы.

«Стояли столы, стулья, висели доски, - вспоминала позже учитель истории Хильда Кинг. - На столах за неимением тетрадей лежали старые газеты: приходилось писать между строк. Ручки заменили на карандаши, чернила замерзали».

Случалось, что на уроки приходили не все. От голода и холода умирали и дети и педагоги. Некоторые - прямо в школе.

«В кабинете директора Серафимы Ивановны умер ее муж, ушел из жизни учитель химии, умерла завуч Зоя Михайловна - все от голода, - вспоминает Хильда Кинг. - И тогда педагоги решили жить коммуной. И выстояли».

В июне 42-го школу закончили двенадцать человек, из них трое на «отлично». Еще 338 ребят перешли в следующий класс.

Весной в район стали возвращаться другие школы. Уже в мае в них училось более семи тысяч детей. Правда, первое время главной заботой было не научить, а накормить истощенных учеников. До 96 процентов школьников страдали дистрофией.

производили фонарики, ремонтировали карбюраторные двигатели и генераторы.

- Мы делали фонарики, - вспоминает работница «Электросилы» Галина Иванова. - Они помещались в ладони. Чтобы они светили, надо было постоянно нажимать на ручку, расположенную сбоку. При этом они «выли». Норма была, кажется, семьдесят штук в день. Работали по десять часов в сутки.

Всю войну раз в неделю на завод приходила молодая женщина. Она работала на радио и сообщала людям самые свежие вести с фронта, читала газеты. Занятия часто прерывались воздушной тревогой, и слушатели дружно выбегали во двор тушить зажигалки. Но потом непременно возвращались, чтобы дослушать лектора. Звали эту женщину Ольга Берггольц.

Легендарная поэтесса не потеряла связи с родным предприятием с тех пор, как редактировала там молодежную страничку в заводской многотиражке. А ведь поводы для обиды были. В 1937-м ее исключили из кандидатов в члены КПСС, запретили пройти в колонне завода на Октябрьской демонстрации, а потом и вообще выгнали с «Электросилы». На Берггольц поставили

клеймо: «враг народа». Полгода спустя ее восстановили в кандидатах, она вернулась в родную многотиражку. А в январе 39-го ее опять арестовали, и вновь заводская партийная ячейка приняла решение очистить от Берггольц свои ряды.

«И вот я на «Электросиле» - веду кружок, и они просят у меня прощения за то, что они выбросили из демонстрации...» - это дневниковые наброски самой поэтессы.

Она простила. Она очень любила родной завод.

Галина Иванова.

Такие ручные фонарики отправляли на передовую.

На золото меняли землю, с сахаром

Раненые просили книги

Сотрудницы библиотеки имени 10-летия Октябрьской революции (сейчас имени Паустовского. - Прим. авт.) даже и не думали об эвакуации. За время блокады в здание библиотеки по-

падо тринадцать снарядов, но работа ее не прекращалась ни на один день. Ежедневно в холодное здание приходили заведующая Мария Туртыгина и библиотекарь Раиса Дмитриева.

«Туртыгина - издергана и истощена. Дмитриева подкармливается травой», - писала в сводке инспектор по библиотечной работе.

Но им хватало сил устраивать патриотические вы-

ставки, которые укрепляли дух измученных блокадой ленинградцев. «Герои Великой Отечественной войны», «К решающим сражениям», «Героическое прошлое русского народа» - экспозиции сменяли одна другую.

Поддержать женщин старались бойцы передовых частей: подвозили дрова, зашивали фанерой окна, расчищали подходы к зданию. В какой-то момент читателей стало совсем мало. Тогда библиотекари решили организовать сеть книжных пунктов. Они приходили в расположенную неподалеку больницу имени Коняшина и вслух зачитывали

В госпиталях раненые с нетерпением ждали встречи с библиотекарями, которые возвращали им силы чтением художественной литературы и рассказами о последних новостях в стране.

раненым бойцам последние новости, читали художественную литературу. В палатах звучали стихи Пушкина, проза Толстого.

«Мы, больные хирургического отделения, желаем, чтобы громкие читки газет и журналов продолжались в более широком

масштабе», - просили благодарные слушатели.

В архивах библиотеки сохранилась поэма «Украина», которую один из бойцов, лежащих в больнице, написал, как он сам признавался, «под впечатлением от художественной читки Марии Туртыгиной».

Военное соцсоревнование

В первую же блокадную зиму голодный город начал замерзать. Не было топлива, дров, бензина. На дрова разбрасывали все деревянные постройки. Десятки, если не сотни семей Московского района, где таких домов было большинство, остались без своего жилья. Три-четыре пе-

ский район занял в нем третье место, получив за это пятьдесят тысяч рублей.

Необходимо было отремонтировать водопровод, канализацию, утеплить здания. Сделать это было крайне сложно. В Московском районе всех, кто жил южнее железнодорожной ветки,

На прахе выросла трава

На месте современного парка Победы еще до войны разместились карьеры Ленинградского кирпичного-пемзowego завода № 1. Когда началась блокада, здесь проходила укрепленная оборонительная полоса с противотанковыми рвами и траншеями. А весной 42-го печи завода было решено переоборудовать под

ИХ ИМЕНАМИ НАЗВАНЫ

Улица Гастелло.

От Московского проспекта до Чесменского военного кладбища.

Николай Гастелло (1907-1941) - военный летчик. 26 июня 1941 года получил приказ разбомбить колонну фашистских танков на шоссе Молодечно - Радошковичи. Во время бомбометания вражеский снаряд пробил бензобак ведущего самолета, которым управлял Гастелло. А он направил горящую машину на скопление немецкой бронетехники. Через месяц Гастелло посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Улица Севастья-

Все деревянные постройки. Десятки, если не сотни семей Московского района, где таких домов было большинство, остались без своего жилья. Три-четыре переезда за несколько месяцев стало нормой. На каждом новом месте людям приходилось учиться выживать по-новому.

- В прачечной сотрудники магазина, выходявшего на Московский проспект и Обводный канал, организовали кипятильники - грели для всех кипяток, - рассказывала позже Эльвина Варфоломеева. - Это было благо. Ведь в домах уже не было электричества, ни водного, ни парового отопления, ни телефона. Печки или буржуйки топили имеющейся деревянной мебелью и собирали по дворам какие-то деревянные обломки, остатки от ящиков. Жгли все, что горело, чтобы не замерзнуть. Канализация ведь тоже не работала. Для туалета приспособили ведра, а их выносили на улицу. И так выносили все живые. Все нечистоты быстро замерзали. Город превращался в общий замороженный туалет. Наученные горьким опытом, уже в октябре 1942 года городские власти объявили соцсоревнование на лучшую подготовку Ленинграда к зиме. Москов-

ские водопровод, канализацию, утеплить здания. Сделать это было крайне сложно. В Московском районе всех, кто жил южнее железнодорожной ветки, переселили в северные районы. Чтобы облегчить работу коммунальщикам, было издано распоряжение: всем жильцам верхних этажей переселиться на пустующие первые три: так можно было сэкономить как на затратах, так и на рабочей силе.

А еще негде было мыться. Некоторые управдомы пытались создать свои бани, перестраивая имевшиеся при домах прачечные, но много людей они вместить все равно не могли. Например, в доме № 2 по Международному проспекту в день могли помыться шестьдесят человек, в то время как в близлежащих домах жили три тысячи.

Городские власти издали распоряжение: в каждом районе должны работать хотя бы по две бани. Но водопроводчиков и котельщиков, которые могли бы «оживить» их, не было. Над банями устанавливали «шефство» промышленные предприятия. Так, баню на Ломаной улице, 2, запускали специалисты «Электросилы», а Волковскую - рабочие карбюраторного завода.

чалась блокада, здесь проходила укрепленная оборонительная полоса с противотанковыми рвами и траншеями. А весной 42-го печи завода было решено переоборудовать под крематорий.

Это была вынужденная необходимость. Люди умирали десятками тысяч. Только за январь 42-го в Ленинграде погибло почти 97 тысяч человек (для сравнения: за весь 2009 год в Петербурге умерло чуть больше 65 тысяч. - Прим. авт.). Трест «Похоронное дело» не справлялся со своими обязанностями. Трупы лежали повсюду.

Крематорий на Московском шоссе заработал 15 марта 1942 года. Сначала одна печь, спустя несколько недель - вторая. К середине апреля его пропускная способность составляла почти полторы тысячи покойников в день. Каждый день грузовики с телами погибших вереницей выстраивались у проходной треста. Кремация проходила в три смены. Кроме гражданских лиц, крематоровали и погибших солдат. Прах на вагонетках выкатывали из цеха и развешивали тут же, над землей, над озерами. Сколько всего человек было сожжено в печах, доподлинно неизвестно. Но счет идет на сотни тысяч.

ЦИФРА НОМЕРА
 - столько жителей Московского района погибли от голода за время блокады

11 323

Еще 1229 человек были убиты, а 2629 ранены во время фашистских бомбардировок.

Трамвай шел на фронт

Всю первую блокадную зиму в Ленинграде не ходили трамваи. Их движение возобновилось лишь весной. С 15 апреля 1942 года в Московский район вернулся трамвай № 3. Из Благодатного переулка он поворачивал на Московское шоссе, переходившее в Международный проспект, и следовал до окружной линии железной дороги, где проходил передний край внутренней обороны.

- Вагон дальше не идет. Дальше фронт, - на последней остановке объявлял кондуктор.

Подготовила Ирина ТУЧИНСКАЯ.

Редакция благодарит музей-библиотеку «Книги блокадного Ленинграда», завод «Электросила», совет ветеранов Московского района, школу № 356, патриотический клуб «Колокол» за помощь в подготовке материала.

шину на скопление немецкой бронетехники. Через месяц Гастелло посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Улица Севастьянова. Между улицами Решетникова и Кузнецовской.

Алексей Севастьянов (1917-1942) - летчик-истребитель. В ночь на 5 ноября 1941 года он патрулировал небо на подступах к Ленинграду. В

свете прожекторов он увидел фашистский «хенкель». Севастьянов трижды атаковал противника, а потом решил идти на таран. Приблизившись к немецкому самолету, Севастьянов отрубил ему винтом хвост. Сам же благополучно приземлился на парашюте. Погиб Алексей полгода спустя, в воздушном бою около поселка Рахья. Звание Героя Советского Союза ему присвоили посмертно в июне 1942 года.

Улица Типанова.

От Московского до Ви-тебского проспекта.

Александр Типанов (1924-1944) работал механиком в Московско-Онском пароходстве. На фронте был пулеметчиком 191-го гвардейского стрелкового полка (64-я гвардейская стрелковая дивизия, 42-я армия, Ленинградский фронт). В бою за высоту у Красного Села 18 января 1944 года Типанов закрыл собой амбразуру вражеского дзота, открыв дорогу наступающим войскам. Звание Героя Советского Союза присвоено ему посмертно в феврале 1944 года.

Улица Галстяна. От Варшавской улицы до Московского проспекта.

Вениамин Галстян (1902-1942) был военкомом Невской оперативной группы войск, затем членом Военного совета 42-й армии. Погиб 4 декабря 1942 года на Пулковских высотах. Снаряд проломил накаты блиндажа, в котором находился генерал-майор.

